

— Древние говорили: «Остановить копье — вот истинная воинская доблесть». Воин должен умирять трусость в себе и жестокость вовне, ибо сознание стыда приближает к отваге. Каким бы ни было мастерство в боевых искусствах, добродетель всегда остаётся главным качеством воина. «Не делай другим того, чего не желаешь себе» — не применяй грубую силу против других, иначе чем ты лучше разбойника? А Янь, как считаешь?

Произнеся это, Жань Цю неспешно взглянул на юношу, который во дворе, упёршись руками в землю, тренировал прогиб. Затем добавил:

— Колени не сгибай. Такой молодой, а гибкость — будто у старика.

Су Янь чувствовал, как со лба стекает пот, поясницу ломило, а ноги почти онемели. Стиснув зубы, он выговорил:

— Господин Жань, полагаю, вы не правы. Только что рассуждали о «неделании другим», а теперь сами меня мучаете.

Жань Цю отставил чашку и безучастно заметил:

— Это базовые упражнения. Разве здесь есть насилие? — Он внимательно оглядел Су Яня, подошёл, надавил ему на плечи, чтобы тот не халтурил, и твёрдо постановил:

— Ещё полпалочки благовоний.

Затем, проигнорировав полный ненависти взгляд юноши, развернулся и ушёл.

Руки Су Яня занемели от упора. Чтобы пережить добавленное время, ему пришлось отвлечься. Сначала он уловил лёгкий цветочный аромат, потом вспомнил, что Цинмин уже прошёл, и в воздухе повеяло влагой. Изредка доносилось щебетание птиц. Су Янь отрегулировал дыхание и неожиданно обрёл в этой тяжкой тренировке крупицу терпения.

Когда благовоние на столике в галерее догорело, Жань Цю вернулся. Су Янь всё ещё сохранял позу. Жань Цю помог ему подняться, размял затекшие мышцы и спросил:

— Ну как?

— Потом стало полегче, — честно ответил Су Янь и тут же спросил:

— Кажется, во всём этом я не силён, талант посредственный. Отец мой, хоть и военачальник, в своё время в схватках с тайной стражей Внутреннего дворца не уступал им... Говорят, у храброго отца не может быть трусливого сына. Почему же я ни капли на него не похож?

Жань Цю подал Су Яню чашку чая, отступил на шаг, оглядел его и произнёс:

— За то время, что мы общаемся, я не заметил, чтобы твоё сложение не подходило для боевых искусств. Может, дело в координации?

Взгляд Су Яня стал загадочным, он хотел что-то сказать, но промолчал. Спокойно усевшись в галерее с чаем, он уставился на абрикосовое дерево. Цветение уже прошло, мимолётное великолепие осыпалось после дождя, уступив место густой листве.

— От твоего отца я слышал, вы с братом — близнецы? — вдруг спросил Жань Цю и, получив кивок, продолжил:

— Как-то читал я одну книжку, там говорилось, что близнецы в утробе — редкость, и, возможно, изначально были одним человеком. Если так, то таланты и способности одного разделились между двумя, потому и недостатки у каждого свои — это естественно. Коли ты не слишком преуспел на этом пути, что ж, возможно, твоему брату боевые искусства давались бы лучше.

Су Янь почесал внезапно зачесавшееся веко, стараясь говорить ровно:

— Но его уже нет с нами.

Жань Цю удивился:

— Да?

Су Янь ответил:

— Раз господин Жань служил во Внутреннем дворце, наверняка слышал, как мой брат пропал четыре года назад? С тех пор прошло так много времени. Все боятся говорить об этом вслух, мать не желает верить, но я-то знаю: раз за столько лет не нашли, скорее всего, уже никогда и не вернётся.

Говоря это, он не смог скрыть подлинной печали в глазах. Су Янь ещё не научился владеть эмоциями. Слишком ранняя потеря брата стала для него запечатанной раной, и теперь, высказав это вслух, будто прорвало плотину. Вся его тактика «не спрашивать и не думать», чтобы одурманить себя, мгновенно перестала работать.

Жань Цю, не находя слов, сжал губы и в итоге предпочёл молчание.

Су Янь долго сидел, опустив голову, не притронувшись к чаю. Со стороны Жань Цю его лицо было неразличимо, но когда юноша поставил чашку и снова вышел во двор, глаза его были слегка красными.

Он твёрдо встал в стойку мабу и спокойно произнёс:

— Палочка благовоний. Я знаю.

Жань Цю сказал:

— Если у тебя действительно нет способностей, я могу поговорить с твоим отцом. Будешь тренировать только основы, остальное время посвятишь учёбе... К чему себя мучить?

Су Янь прямо посмотрел на него:

— Нет. Если правда, как вы сказали, что мою долю забрал А Цзинь, а он теперь пропал без вести, и, возможно, у него больше не будет шанса заниматься этим, то я должен стараться ещё усерднее. Господин Жань, я совсем не мучаюсь. Не смягчайтесь, пожалуйста, занимайтесь со мной как планировали.

— А Цзинь? — Жань Цю нахмурился. — Твоего брата... разве зовут Су Цзинь?

Су Янь кивнул. Сначала он не придавал значения вопросу, но, взглянув на странное выражение лица Жань Цю, с удивлением спросил:

— Что-то не так?

Жань Цю отмахнулся:

— Ничего. Просто вдруг вспомнил кое-что об одном старом знакомом. Маленький господин, если доверяешь мне, когда вернусь в Чанъань, постараюсь навести о нём справки. Как насчёт этого?

Услышав это, Су Янь не проявил ни ожидаемой радости, ни благодарности. Выражение его лица осталось обычным, он лишь слегка улыбнулся:

— Тогда буду вам признателен. Жду добрых вестей.

Жань Цю понял, что юноша принял его слова за обычную вежливость, ничего не добавил и лишь похлопал Су Яня по плечу.

Весенние цветы отцвели, тёплый ветер разносил их аромат на десятки ли. Самое прекрасное время года, но Жань Цю казалось, что перед ним стоит юноша, от которого веет какой-то усталой подавленностью.

Его беспокойство длилось несколько дней. Сделав один намёк Су Чжи, он больше не возвращался к этой теме. Жань Цю учил Су Яня со всей отдачей, но тот, ограниченный собственными способностями, так и не смог подняться на следующую ступень.

Когда основы достаточно укрепились, Жань Цю начал спарринги, объясняя, что даже полководцам на поле боя не избежать рукопашных схваток, что уж говорить о простых солдатах. А ловкость тайной стражи Внутреннего дворца была столь высока, что вначале, когда Жань Цю бросал Су Яня на землю, тот даже не успевал разглядеть, как это происходит, и просто сидел в ошеломлении. Он был так потрясён, что не чувствовал даже боли.

Прошли зима и лето, и когда Су Янь смог продержаться против Жань Цю двадцать приёмов, наступило очередное жаркое лето.

В саду усадьбы маркиза Пинъюаня выкопали небольшой пруд, где вальяжно плавали две-три карпа. Места для беседки не хватило, поэтому прохлады искали прямо в галерее.

Поставили квадратный столик, два-три стула — вполне достаточно для уединения и отдыха.

В тот день Жань Цю и Су Янь сидели в галерее, потягивая чай. Жань Цю взглянул на Су Яня, уставленного в абрикосовое дерево, и спросил:

— Маленький господин, теперь, когда мне больше нечему тебя учить, что будешь делать дальше?

Спустя долгую паузу Су Янь ответил:

— Вы меня недооцениваете. Разве это можно назвать «нечему учить»?

Жань Цю рассмеялся:

— Попал в точку, мне и впрямь стыдно. Моё мастерство отточено в схватках не на жизнь, а на смерть. Дальше мои приёмы станут убийственными — я не могу это контролировать, прости.

Уголки губ Су Яня опустились:

— Я хотел бы изучать военную стратегию и тактику, но, увы, нет достойных учителей или

товарищей.

Услышав это, Жань Цю хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Ошибаешься! Если говорить о военном искусстве, во всём Ляне нет никого, кто мог бы сравниться с твоим отцом. Почему же ты не обращаешься к нему, а жалуешься на отсутствие учителей?

— ...Я и правда мало что слышал о его подвигах. В последние годы, пока в мире царит мир, он только и делает, что играет в вэйци или гуляет с птицами. Где же тут образ великого полководца, о котором вы говорите?

Жань Цю сказал:

— Когда маркиз Пиньюань был ещё желторотым юнцом, он впервые отправился в поход — в Ючжоу. Тогда тюрки были могучи, их каган долго вынашивал планы и наконец захватил город, который наши войска не могли отбить. Твой отец, едва прибыв на фронт, самовольно повёл трёхсотенный отряд лёгкой кавалерии в дерзкую атаку на тюркский обоз, застав их врасплох. Потом он поджёг долину, перерезав пути снабжения тюрков. Хотя его за это наказали, та битва длилась больше полугода, и именно благодаря этому Лян в конце концов вернул Ючжоу.

Су Янь молчал, но во взгляде его читалось восхищение. Он и не подозревал, что его отец, нынешний домосед, когда-то был таким отважным и безрассудным.

Жань Цю, угадав его мысли, с улыбкой отхлебнул чаю и сказал:

— За всю историю Ляна лишь один титул маркиза Пиньюаня даровался за поколения военных заслуг и расширение границ государства. Со времён императора Тайцзуна каждый маркиз Пиньюань начинал службу в юности и полжизни проливал кровь на поле боя... Сейчас это твой отец. А в будущем — твоя очередь.

<http://bllate.org/book/15940/1424924>